

Титова Татьяна Алексеевна

ВНУТРИГРУППОВАЯ КОНСОЛИДАЦИЯ И МЕЖКОНФЕССИОНАЛЬНАЯ ДИСТАНЦИЯ ПРАВОСЛАВНОГО НАСЕЛЕНИЯ РЕСПУБЛИКИ ТАТАРСТАН

В настоящей статье на основе полевых материалов автора анализируется уровень внутригрупповой консолидации и межконфессиональной дистанции в установках представителей православной общины Татарстана. Для решения поставленных задач были использованы как количественные, так и качественные методы: массовый опрос, глубинное интервью, метод фокус-групп. Были изучены взаимные гетеростереотипы православных и мусульман, составленные методом "свободных портретов"; общее состояние восприятия межконфессиональных отношений представителями православной общины; риски развития негативного сценария в этой сфере и их причины.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2014/12-1/49.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2014. № 12 (50): в 3-х ч. Ч. I. С. 183-186. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2014/12-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net
Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: hist@gramota.net

УДК 39(470.41)

Исторические науки и археология

В настоящей статье на основе полевых материалов автора анализируется уровень внутригрупповой консолидации и межконфессиональной дистанции в установках представителей православной общины Татарстана. Для решения поставленных задач были использованы как количественные, так и качественные методы: массовый опрос, глубинное интервью, метод фокус-групп. Были изучены взаимные гетеростереотипы православных и мусульман, составленные методом «свободных портретов»; общее состояние восприятия межконфессиональных отношений представителями православной общины; риски развития негативного сценария в этой сфере и их причины.

Ключевые слова и фразы: межконфессиональные отношения; гетеростереотипы; православные; мусульмане; внутригрупповая консолидация; межконфессиональная дистанция; установки.

Титова Татьяна Алексеевна

Казанский (Приволжский) федеральный университет
tatiana.titova@rambler.ru

ВНУТРИГРУППОВАЯ КОНСОЛИДАЦИЯ И МЕЖКОНФЕССИОНАЛЬНАЯ ДИСТАНЦИЯ ПРАВОСЛАВНОГО НАСЕЛЕНИЯ РЕСПУБЛИКИ ТАТАРСТАН®

Исследование консолидации и межгрупповой дистанции возможно лишь через субъективное восприятие сложившейся ситуации как на уровне личности, так и на уровне группы [2]. Это связано с тем, что через восприятие формируется последующая реальность, определяются новые межгрупповые границы с последующей трансляцией на действительность [6]. Кроме того, необходимо отметить, что современная социальная действительность усложняется ввиду явного ускорения и усиления разнообразия социальной динамики [5, с. 147]. Исходя из этого, методологической основой нашей работы стала известная в социальных науках «Теорема Томаса» [1] и полипарадигмальный подход.

Настоящее исследование проводилось с помощью сочетания количественных и качественных методов, таких как массовый опрос, глубинное интервью, метод фокус-групп. Общее количество респондентов, идентифицирующих себя в качестве православных, составило 1 200 человек. Территориальное распределение выборочной совокупности охватывало основные городские агломерации республики: города Казань, Набережные Челны, Нижнекамск, Альметьевск, Чистополь, Зеленодольск, а также районы: Лаишевский, Алексеевский, Нурлатский, Нижнекамский, Заинский, Верхнеуслонский. Было проведено 8 интервью с религиозными лидерами, 2 интервью с представителями экспертного сообщества и 4 фокус-группы с практикующими православными.

Основные параметры выборочной совокупности имеют следующий вид: мужчины составили 41,4% (487 чел.), женщины – 58,6% (703 чел.); респонденты в возрасте 18-30 лет составили 28,6% (343 чел.), в возрасте 31-50 лет – 40,3% (483 чел.), в возрасте 51 и старше – 31,2% (374 чел.); по национальности 83,8% (1006 чел.) составили русские, 9,2% (110 чел.) составили представители обобщенной группы *татары*, из которых 1,3% (16 чел.) идентифицировали себя как крещеный татарин/татарка, 2,7% (32 чел.) – как кряшен и 5,2% (62 чел.) – как татарин/татарка, еще 3,6% (43 чел.) составили чуваша и 3,4% (41 чел.) – прочие.

Как показывают опубликованные данные, православная община Татарстана внутренне неоднородна и в ней можно выделить две базовые группы: верующих с декларируемой религиозной идентичностью, имеющих низкую либо среднюю потребность в исполнении религиозных обрядов, и группу верующих, демонстрирующих высокую потребность в исполнении религиозных обрядов [4, с. 103]. Вместе с тем мы исходили из того, что для понимания общей ситуации в межконфессиональной сфере Татарстана целесообразно рассмотреть обобщенную позицию православной общины.

Анализ восприятия представителями православной общины Татарстана общего состояния межконфессиональных отношений в республике свидетельствует о его достаточно позитивном характере. Оценили ситуацию в религиозной сфере как в целом спокойную и стабильную 64,8% респондентов, еще 21,3% охарактеризовали ситуацию как спокойную, но имеющую тенденцию к ухудшению. Негативно оценили ситуацию в религиозной сфере менее 6% респондентов. В группах *кряшены* и *другие народы* доля тех, кто оценил ситуацию как спокойную и стабильную, была несколько выше, чем в группе русские. Распределение ответов о возможности возникновения конфликта между православными и мусульманами республики в целом также носит оптимистичный характер – 41,7% респондентов считают, что вероятность конфликта низкая, 23,5% оценили вероятность как не очень высокую, еще 17,3% – как среднюю и 5,7% высказали опасение, что вероятность такого конфликта в целом высокая. Такую тенденцию подтверждают и материалы фокус-групп: «У меня соседи – они очень верующие мусульмане, брат и две сестры, им под 40 лет, они соблюдают все праздники, но тем не менее когда православные праздники, перед Пасхой они обязательно убираются, на Пасху они тоже красят яйца, то есть они тоже уважают наши традиции, как в принципе и мы их, когда у них какие-то праздники, они приносят нам барана, которого они резали, его же нужно раздавать, поэтому я на своем примере именно межконфессиональных конфликтов вообще не вижу» (жен., русская, 22 года). С представленным суждением вполне согласуются и результаты ответов респондентов на вопрос «Обладают ли православные

и мусульмане Татарстана равными возможностями для осуществления своих религиозных потребностей?». 71% респондентов подтвердили, что обладают полностью, еще 11,3% выбрали вариант ответа «скорее да, но все же больше возможностей у мусульман», и 2,9% посчитали, что возможностей больше у мусульман. Абсолютное большинство тех респондентов, которые посчитали, что у мусульман больше возможностей, аргументировали свою позицию наличием у последних более активной административной поддержки в республике: «*вся политическая элита – мусульмане*» и «*поддержка местных и республиканских властей*». Но помимо внешнего фактора важной причиной неравенства обозначается и фактор внутригрупповой консолидации мусульман: «*они сплоченные, дружные*», «*мусульмане более сплоченные и религиозные*».

Показательным при оценке общего состояния межконфессиональной ситуации жителями республики с актуализированной религиозной идентичностью может быть сравнение позиций, занятых православными респондентами, с позициями представителей мусульманской уммы. Так, 45,3% респондентов-мусульман считают, что вероятность конфликта между мусульманами и православными низкая, 17,9% считают ее не очень высокой, 18,3% – средней и 6,2% – высокой. Существенная степень совпадения распределений в обеих религиозных группах может говорить о стабильном характере взаимоотношений между ними.

Для адекватной оценки рисков развития негативного сценария в межконфессиональных отношениях важно понимание тех причин, которые респонденты воспринимают как наиболее существенные. В частности, среди самых значимых причин возможного конфликта между православными и мусульманами респонденты отметили следующие: «*неверная политика руководства РТ в религиозной сфере*» (21%); «*негативное влияние СМИ*» (18,2%); «*неверная политика руководства РФ в религиозной сфере*» (16,2%). Другие предложенные варианты выбирались значительно реже. Так, вариант «*действия представителей мусульманской общины*» получил 8,7% ответов, «*неверная политика руководства Татарстанской митрополии*» – 5,1%, а вариант «*неверная политика мусульманского духовенства РТ*» – 5%. Показательно, что наиболее популярными вариантами ответов по аналогичному вопросу, выбранными представителями мусульманской уммы, выглядят следующим образом: «*неверная политика руководства РФ в религиозной сфере*» – 20%; «*действия запутавшихся представителей моей религии*» – 15%; «*неверная политика руководства РТ в религиозной сфере*» – 13,5%. При общей схожести наиболее актуальных вариантов заметны различия в выборе главного субъекта, ответственного за негативные тенденции: в случае с православными – это руководство Республики Татарстан, в случае с мусульманами – руководство Российской Федерации. Но в обоих случаях именно светская власть рассматривается как основной субъект религиозной политики.

При корреляции данного вопроса с признаком этнической принадлежности респондентов можно отметить, что в группе *кряшены* доля тех, кто видит причину возможного межконфессионального конфликта в деятельности руководства РТ, ниже, чем в группе *русские* (15,8% и 21,8% соответственно). В группе *кряшены* в целом выше доля ответов с вариантом «*действия представителей мусульманской общины*» – 11,2%. Указанные различия получили отражение и в вопросе о примере воинственной религии или религиозного течения. Согласились привести подобные примеры 21,5% русских, 23,8% представителей других народов и 28,2% кряшен.

Материалы фокус-групп демонстрируют, что среди православных в целом присутствует позиция о внешнем характере негативных явлений в межконфессиональных взаимоотношениях. В первую очередь, это связывается с наличием сформированных радикальных течений, чья деятельность осуществляется под воздействием иностранных религиозных центров: «*В отношении радикализма, хочу сказать, что в отношении поджога храмов у нас в Татарстане, и мое окружение и окружение моего мужа абсолютно единодушно считают, что это сделали не мусульмане, а это сделали внешние силы, это чистейшая провокация, у нас такого никогда здесь не было, это сделано было очень грубо*» (жен., русская, 46 лет) или «*Если он учился здесь, они компромиссные люди, они четко ставят границу, вот здесь мы с Вами согласны, а сюда извините, не лезьте. В этом они более честные, чем мы. Все кто побывал, учился в Эмиратах, в Турции те уже лживые*» (муж., русский, 42 года).

Другим важным индикатором межконфессиональных отношений является величина межгрупповой дистанции между православными и представителями других конфессиональных групп (в первую очередь, мусульманами) республики. Для выявления величины указанной дистанции в ходе исследования использовались такие методики, как «шкала Богардуса», а также контент-анализ гетеростереотипа мусульман. В первом случае были выделены некоторые конфессиональные и социальные группы, которые выступали в качестве потенциальных социальных партнеров для православных. В результате обработки полученных данных все группы были проранжированы и объединены в категории в зависимости от величины дистанции по принципу от самой далекой до самой близкой. К первой категории были отнесены такие группы, как свидетели Иеговы и мормоны, представители которых могут быть охарактеризованы как наиболее далекие для православных республики и отношение к которым носит прогрессивно возрастающий негативный характер. Так, более трети респондентов не желают видеть иеговистов и мормонов даже в качестве гостя (туриста) в своей стране. В вариантах более близких социальных ролей – родственник или брачный партнер – доля респондентов, не желающих иметь таковых из числа иеговистов, составляла 71,3% и 73,4% соответственно, в то время как готовых принять оказалось лишь 7,3% и 5,6%. В отношении группы мормоны были получены аналогичные результаты: 57,4% респондентов отметили, что не желают видеть их представителей в качестве родственника, и 59,3% – в качестве брачного партнера. Обратную точку зрения высказали соответственно 6,7% и 6% респондентов. Каждый четвертый-пятый из числа опрошенных вообще не знает таких религиозных групп.

Вторую категорию составили представители таких групп, как мусульмане не татары и атеисты не русские. Величина межгрупповой дистанции у православных и представителей двух указанных групп сопоставима и достаточно велика, хотя и значительно ниже, чем в отношении представителей первой категории.

К примеру, респонденты в абсолютном большинстве готовы принять мусульман не татар и атеистов не русских в качестве гостя (туриста) – более 85%, гражданина – около 80%, коллеги – порядка 75%, соседа – около 70%, друга – около 60%. При этом в двух наиболее близких социальных категориях – родственник и брачный партнер дистанция с православными резко возрастает и принимает дифференцированный характер. Так, готовы принять атеиста не русского в качестве родственника 48,6% респондентов, а брачного партнера – 36,6%. В то время как мусульманина не татарина готовы принять в качестве родственника 39,6% респондентов, а брачного партнера – лишь 27,7%.

К третьей категории были отнесены такие группы, как атеисты русские и татары мусульмане, степень близости с которыми уже достаточно велика и в диапазоне социальных ролей от категории гость до категории друг колебалась от 90% и более до 74% и более соответственно. В наиболее близких социальных категориях доли положительно отвечавших респондентов были значительно выше, нежели в рассмотренных группах. В качестве родственника готовы принять атеистов русских 64,1% респондентов и мусульман татар – 65,4%. А в качестве брачного партнера готовы принять атеистов русских 53,6% респондентов и мусульман татар – 45,9%. Наконец, наиболее близкими по результатам исследования для православных являются такие группы, как православные не русские и православные русские. Во всех представленных социальных ролях представители указанных групп были наиболее желательны и одобряемы, причем доля положительных ответов, вплоть до категории родственник, не опускалась ниже 85%, а в категории брачный партнер положительные ответы составили в группе русские православные 97% а православные не русские – 74,5%. Исходя из представленных результатов, можно предположить, что в восприятии православных существует достаточно четкая дифференциация различных конфессиональных и социальных групп, представленных в республике, причем фактор религиозной близости носит в этом процессе определяющий характер. Сравняя аналогичные позиции мусульман республики в отношении православных русских, можно отметить выраженный асимметричный характер восприятия представителями групп друг друга. Так, согласны принять православного русского в качестве родственника 41,3% респондентов мусульман, у православных русских – 63,6%. А в наиболее близкой социальной категории брачный партнер разница является еще более существенной (положительно ответивших мусульман оказалось лишь 25%, в то время как православных – 43,7%). Таким образом, православные русские воспринимают татар мусульман ближе, чем татары мусульмане их. В условиях высокой степени тождественности этнических и конфессиональных границ в республиканском сообществе дальнейший рост асимметрии межгрупповой дистанции среди представителей двух наиболее многочисленных конфессий республики может оказывать возрастающее влияние и на межэтнические отношения.

Между группами мусульмане татары и кряшены асимметрия взаимного восприятия еще выше. Например, готовы принять в качестве родственника кряшена 41,9% мусульман татар, а в обратном случае – 78,9%. В отношении категории брачный партнер положительно высказались о принятии в этом качестве представителя кряшен 24,8% татар мусульман, а в обратном случае – 66,2% татар (кряшен). Таким образом, если в восприятии татар мусульман группы православные русские и кряшены воспринимаются фактически идентично с точки зрения близости, то кряшены воспринимают татар мусульман все же заметно ближе, чем православные русские. Это, по нашему мнению, свидетельствует о том, что в группе мусульман конфессиональная идентичность все более вытесняет этническую и культурно-историческую. В то время как у различных групп православных подобные явления актуализированы в значительно меньшей степени.

В связи с вышеизложенным представляется весьма интересным анализ взаимных гетеростереотипов православных и мусульман, составленных методом «свободных портретов». Кодификация всех данных вариантов характеристик по интенции позволила выделить положительные, нейтральные и отрицательные, а также группу ответов, которые не касались напрямую личности гипотетического мусульманина и были отнесены авторами к категории *другое*. Распределение по указанным категориям показывает, что большая часть данных респондентами характеристик в отношении мусульман носит положительный характер (53,9%). Доля нейтральных характеристик составила 16,6% всех ответов, а отрицательных – 8,5%. При этом к категории *другое* было отнесен 21% ответов, среди которых чаще всего встречались варианты «они такие же, как мы» или «могу назвать качества православного, но не мусульманина». Анализ гетеростереотипа мусульманина в основных социальных группах, выделенных по гендерному, образовательному и возрастному критерию не выявил статистически значимых различий в позициях респондентов. Таким образом, можно сделать вывод об общем достаточно позитивном восприятии православными мусульман, что вполне согласуется с приведенными данными о величине межгрупповой дистанции в оценках православных респондентов. Это подтверждают и материалы фокус-групп: «У нас в Татарстане объединяются две религии – мусульманство и христианство, мы живем друг с другом очень дружно...» (жен., русская, 20 лет). Гетеростереотип православных, сформированный мусульманами, носит схожий характер – 55,7% характеристик носит положительный характер, 12,2% – нейтральный, 5,2% – отрицательный.

Резюмируя вышеизложенное, отметим, что общая межконфессиональная ситуация, сложившаяся в республике, большинством православных оценивается позитивно. Это относится и к оценке равенства возможностей в удовлетворении своих религиозных потребностей представителями всех конфессий; а также к минимально возможной ситуации межконфессионального конфликта. Вместе с тем важным фактором, влияющим на межконфессиональные отношения и требующим отдельного всестороннего рассмотрения, является гендерный. Мы согласны с тем, что проблема места и значения женщины в религиях становится все более актуальной, что в целом способствует расширению горизонта религиозно-исследовательских исследований [6].

Большинство из тех, кто оценивает межконфессиональную ситуацию в республике как недостаточно благоприятную, чаще упоминают такие причины как неправильная политика руководства РТ, негативное влияние СМИ и неверная политика руководства РФ в религиозной сфере.

Межгрупповая дистанция православных с представителями других конфессиональных групп имеет дифференцированный характер и наиболее выражена в отношении таких конфессиональных групп, как свидетели Иеговы и мормоны. Напротив, близкими конфессиональными группами выступают православные не русские и татары мусульмане, а также группа атеисты русские. Взаимное восприятие православных и мусульман носит асимметричный характер, поскольку православные воспринимают мусульман ближе, нежели мусульмане православных.

Список литературы

1. Арутюнян Ю. В., Дробижина Л. М., Сусоколов А. А. Этносоциология. М.: Аспект-Пресс, 1999. 271 с.
2. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. М.: Медиум, 1995. 323 с.
3. Гуриева К. А. Религиоведческий аспект «woman's studies» // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2014. № 8 (46). Ч. I. С. 45-48.
4. Козлов В. Е. Религиозная идентичность и религиозные практики современного русского населения Республики Татарстан // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2014. № 6 (44). Ч. II. С. 102-105.
5. Пчегатлук С. К. Теоретико-методологическая проблематика этносоциологических исследований на современном этапе // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2014. № 7 (45). Ч. I. С. 147-150.
6. Этнические группы и социальные границы: социальная организация культурных различий: сборник статей / под редакцией Ф. Барта. М.: Новое издательство, 2006. 200 с.

INTRA-GROUP CONSOLIDATION AND INTER-CONFESSIONAL DISTANCE OF ORTHODOX POPULATION IN THE REPUBLIC OF TATARSTAN

Titova Tat'yana Alekseevna

Kazan (Volga Region) Federal University
tatiana.titova@rambler.ru

The author of the article basing on her field data analyzes the level of intra-group consolidation and inter-confessional distance in the attitudes of the Orthodox community representatives of Tatarstan. To achieve the set tasks both quantitative and qualitative methods were used: mass survey, in-depth interview, focus groups method. The article studies the mutual heterostereotypes of the Orthodox Christians and Muslims compiled by the method of "free portraits"; the general condition of the perception of inter-confessional relations by the Orthodox community representatives; and the risks of a negative scenario in this sphere and their reasons.

Key words and phrases: inter-confessional relations; heterostereotypes; the Orthodox Christians; the Muslims; intra-group consolidation; inter-confessional distance; attitudes.

УДК 32; 329

Политология

Современная партийная система России представляет собой «пестрый» конгломерат политических партий, отличающихся по целям и задачам, идеологической ориентации, политическому потенциалу. И в этой системе заняли свое место партии, представляющие ее аграрный сегмент. В программных документах данных партий на первый план выдвинуты именно проблемы села и сферы АПК, в котором в настоящее время наблюдаются серьезные кризисные явления, и развитию которого государство уделяет явно недостаточно внимания. Автор делает акцент на особенностях современного состояния партий аграрной направленности, их организационном оформлении, программных документах и дальнейших политических перспективах.

Ключевые слова и фразы: политическая партия; выборы; аграрная политика; социальная сфера; агропромышленный комплекс; программные установки.

Федорова-Кузнецова Ирина Владимировна, к. полит. н., доцент
Саратовский государственный аграрный университет имени Н. И. Вавилова
fedorovakuznietsova@mail.ru

ОСОБЕННОСТИ АГРАРНОГО СЕГМЕНТА В ПАРТИЙНОЙ СИСТЕМЕ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ®

Начало формированию партийной системы современной России было положено в начале 90-х гг. XX века, когда после продолжительного существования в нашей стране однопартийной системы за относительно короткий срок на политической сцене появилось множество партий самой различной идеологической